

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE**

УДК 811.11-112

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-1

Аверина А. В.

**Эпистемическая модальность и синтаксическая неподчинимость
в немецком и русском языках**

Московский государственный
областной университет
ул. Радио 10а, г. Москва, 105005 Россия
E-mail: av.averina@mgou.ru
ORCID: 0000-0002-3117-6362

*Статья поступила 22 июля 2020г.; принята 10 сентября 2020г.;
опубликована 30 сентября 2020г.*

Аннотация

В статье проанализировано соотношение таких феноменов как 'синтаксическая неподчинимость' – 'внутренняя перспектива' – 'дейктичность' – 'эпистемическая модальность'. Эпистемическая модальность трактуется как дейктическая модальность, а алетическая – как недейктическая модальность. Дейктическая модальность – это оценка фактичности ситуации с позиции Ориго. Недейктическая модальность не содержит оценок степени вероятности с позиции Ориго, а констатирует объективную возможность/невозможность существования факта. Дейктическая модальность отражает внутреннюю перспективу говорящего / пропозиционального субъекта, т. е. содержит оценку говорящим/ пропозициональным субъектом нефактичности ситуации, алетическая модальность – внешнюю перспективу. Показано, что модальные слова в немецком языке могут передавать значения эпистемической и алетической модальности, способны кодировать внешнюю и внутреннюю перспективу и обладают одноплановым дейксисом. Их можно рассматривать как лексические единицы. Модальные глаголы *sollen* и *müssen* во вторичном значении и модальные частицы обладают многоплановой дейктичностью. Их семантика может быть определена только по контексту, они синтаксически неподчинимы и несут эпистемическое значение в сочетании с эвиденциальным, что в совокупности позволяет говорить об их принадлежности к системе грамматики. На фактическом материале раскрывается феномен синтаксической неподчинимости: она зависит, в первую очередь, от типа выражаемого модального значения. Эпистемические маркеры неподчинимы; показатели алетической модальности способны занимать позицию в иллокутивно несамостоятельном придаточном предложении. Показана специфика немецкого и русского языков в выражении эпистемической модальности и эвиденциальности: двуплановая дейктичность в русском языке передается в системе модальных частиц, в немецком языке – в системе модальных глаголов.

Ключевые слова: эпистемичность; алетическая модальность; эвиденциальность; внутренняя перспектива; модальные частицы; модальные слова; модальные глаголы; грамматикализация.

Информация для цитирования: Аверина А.В. Эпистемическая модальность и синтаксическая неподчинимость в немецком и русском языках // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №3. С. 4-24. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-1

A.V. Averina

**Epistemic modality and syntactical insubordination
in German and Russian**

Moscow Region State University
10a Radio St., Moscow, 105005 Russia
E-mail: av.averina@mgou.ru
ORCID: 0000-0002-3117-6362

Received 22 July 2020; accepted 10 September 2020; published 30 September 2020

Abstract. The article analyzes the correlation of such phenomena as 'syntactical insubordination' – 'the inner perspective' – 'deicticity' – 'epistemic modality'. Epistemicity is interpreted as deictic modality, whereas alethic modality is treated as a non-deictic modality. Deictic modality is an assessment of the factuality of a situation from Origo's position. The nondeictic modality does not contain estimates of the degree of probability from the position of Origo, but states the objective possibility / impossibility of the existence of a fact. The deictic modality reflects the internal perspective of the speaking / propositional subject, i.e. it contains the assessment by the speaking / propositional subject of the irrelevance of the situation, the alethic modality – the external perspective. It is shown that modal words in the German language can convey the meanings of epistemic and alethic modality, are able to encode external and internal perspective, and have a one-sided deixis. They can be viewed as lexical units. The modal verbs *sollen* and *müssen* in the secondary meaning and modal particles have multifaceted deicticity. Their semantics can only be determined by context, they are syntactically insubordinate and carry epistemic meaning in combination with evidential meaning, which together allows us to speak about their belonging to the grammar system. Based on factual material, the phenomenon of syntactic insubordination is revealed: first of all, it depends on the type of expressed modal meaning. Epistemic markers are irreconcilable; indicators of alethic modality are able to occupy a position in the illocutionary dependent clause. The specificity of the German and Russian languages is shown in the expression of epistemic modality and evidentiality: two-dimensional deicticity in Russian is transmitted in the system of modal particles, in German - in the system of modal verbs.

Key words: epistemicity; alethic modality; evidentiality; the inner perspective; modal particles; modal words; modal verbs; grammaticalization.

How to cite: Averina A.V. (2020). Epistemic modality and syntactical insubordination in German and Russian. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 6 (3), 4-24, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-1

Введение (Introduction)

В лингвистическом обиходе принято оперировать терминами 'пространственный дейксис', 'временной дейксис' и 'персональный дейксис', - три вида дейксиса, о которых впервые написал еще К. Бюлер (Бюлер 1934). В германистике рассматривают и другие типы дейксиса. Так, Э. Хенчель указывает на то, что целесообразно говорить не только об указании на лицо, но и на роль собеседника в социальном дискурсе. Эта роль находит свое выражение в использовании местоимений второго лица – *ты*, *вы* или *Вы*. Соответственно, по ее мнению, совершенно оправданно использовать такое понятие как дейктический модус «социальное указание» («*soziales Zeigen*») (Hentschel 1986: 29). Г. Дивальд пишет о модальном (Diewald 1991, 1999) и эвиденциальном (Diewald 2013) дейксисе. Идею Г. Дивальд о модальном дейксисе развивают В. Абрахам (Abraham 2011, 2013) и Э. Лайсс (Leiss 2011).

Не все исследователи разделяют позицию, что модальность дейктична. Так, Е.В. Падучева пишет, что модальность не относится к дейктическим категориям. К последним относятся единицы, которые выражают идентификацию объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации. Наклонение, модальность, показатели иллокутивной функции (утвердительность – вопросительность и пр.) можно рассматривать как эгоцентрические, а не дейктические элементы (Падучева 2010, с. 245). В работе Е.В. Падучевой описаны первичные и вторичные эгоцентрики и показано, что первичные эгоцентрики обладают свойством синтаксической неподчинимости (Падучева 2010), а сама по себе синтаксическая неподчинимость – это «основание для того, чтобы считать лексическую единицу с модальным значением объектом грамматики» (Падучева 2016). Продемонстрируем

феномен синтаксической неподчинимости на следующих примерах:

(1) а. *Die Linken werden jetzt sagen, dass sie ja gegen die großen Kapitalgesellschaften handeln* (DECOW 16A).

'Левые теперь будут говорить, что они ведь действуют против крупных капиталистических обществ'

б. *Die Linken bedauern, dass sie (*ja) gegen die großen Kapitalgesellschaften handeln.*

'Левые сожалеют, что они действуют против крупных капиталистических обществ'

(2) а. [...] *я вспомнил, что ведь десятки раз видел я эту барку [...]* (НКРЯ).

б. *Я сожалею, что (*ведь) десятки раз я видел эту барку.*

Объектные придаточные с фактивными предикатами в главной части (1а) и (2а) не имеют модальные частицы в своей структуре, объектные придаточные с нефактивными предикатами в главной части, напротив, допускают использование модальных частиц. Фактивные предикаты – это глаголы типа *bedauern*, *leugnen* (нем.), *сожалеть*, *лгать* (рус.), нефактивные предикаты – это глаголы типа *говорить*, *считать* и т. д. (об отличии фактивных и нефактивных предикатов (см. Kiparsky & Kiparsky 1974).

Модальные частицы как элементы грамматики рассматривает В. Абрахам, объясняя их синтаксическую неподчинимость тем, что им свойственна дейктичность (Abraham 2011). Многоплановая дейктичность считается признаком грамматикализации компонентов лексической системы (Leiss 2011), в результате чего они могут считаться составляющими грамматического строя. Не все исследователи придерживаются этой точки зрения. Так, по мнению Х. Вайдта, модальные частицы – не что иное, как компоненты лексического состава языка (Weydt 2010).

Таким образом, дискуссионными остаются вопросы статуса модальных

элементов (принадлежность к лексике/грамматике) и правомерности отнесения их к дейктичным. Требуется анализа вопрос о том, является ли фактор синтаксической неподчинимости модальных маркеров показателем принадлежности к грамматической системе языка.

Существует еще одно альтернативное объяснение феномена синтаксической неподчинимости – с позиции внешней и внутренней перспективы (Averina 2015): исследование использования модальных частиц в придаточных предложениях немецкого и русского языков позволило сделать вывод, что отражение внутренней перспективы в главном предложении делает возможным употребление модальных частиц в придаточном, в то время как кодировка внешней перспективы не позволяет их включать в зависимое предложение. В данной работе предлагается объяснение синтаксической неподчинимости модальных маркеров с позиции перспективы.

Основная часть (Main part)

Цель работы – на основе анализа функционирования немецких и русских модальных слов, модальных глаголов и модальных частиц в сложном предложении проанализировать соотношение таких феноменов как 'синтаксическая неподчинимость' – 'внутренняя перспектива' – 'дейктичность' – 'эпистемическая модальность'. Предполагается дать ответы на следующие вопросы: (1) что вкладывается в понятия 'дейктическая модальность' и 'внутренняя перспектива' и как они соотносятся друг с другом? (2) что является причиной синтаксической неподчинимости? (2) какие виды модальных значений имеет смысл относить к дейктическим? (3) одинаково ли проявляются свойства синтаксической неподчинимости у модальных глаголов, модальных слов и модальных частиц в русском и немецком языках?

Необходимость выявления обозначенных корреляций обусловлена целым рядом причин:

- во-первых, существует потребность в переосмыслении феномена синтаксической неподчинимости модальных элементов в русском и немецком языках;
- во-вторых, важно определить критерии разграничения грамматических и лексических единиц в сфере модальности, и, соответственно, соотнести их с феноменом синтаксической неподчинимости и внутренней перспективы;
- в-третьих, есть необходимость выявить общие черты у синтаксически неподчинимых модальных маркеров и сопоставить их с синтаксически подчинимыми;
- в-четвертых, требуется пояснения смысла понятия 'внутренняя перспектива' применительно к интерпретации модальных значений.

Материал и методы исследования (METHODS AND MATERIALS)

При анализе эмпирического материала в центре внимания находится не подбор лексических эквивалентов и переводных русско-немецких соответствий, а определение общих и различительных грамматических свойств. Выбор перечисленных модальных маркеров объясняется тем, что, несмотря на принадлежность к идентичным частеречным классам, эти слова зачастую проявляют свою функциональную неравнозначность, поэтому важным представляется выявление их симметричности/асимметричности в грамматическом аспекте. При анализе фактического материала были использованы следующие методы:

- метод компонентного анализа, позволивший выделить общие и частные свойства модальных маркеров и провести их дифференциацию на базе общих дейктичных свойств;

- метод трансформационного анализа, посредством которого были выявлены типы контекстов, в которых модальные маркеры возможны, а также те контексты, в которых они не могут иметь места;

- метод сопоставительного анализа, благодаря которому были выявлены общие и различные свойства модальных маркеров в немецком и русском языках.

В качестве *иллюстративного материала* в статье использован Национальный корпус русского языка и веб-корпус DECOW 16A. В некоторых случаях для того, чтобы показать зависимость семантики грамматической конструкции от контекстуального окружения, приводились примеры из немецкой художественной литературы; при интерпретации трансформированных предложений учитывалось мнение носителей языка.

Результаты исследования и их обсуждение (Results and discussion)

Обратимся к понятию «внутренняя перспектива» и рассмотрим возможности ее реализации на уровне высказывания.

Само по себе понятие «внутренняя перспектива» применительно к грамматике предложено Э. Лайсс (Leiss 1992). Так, внутренняя перспектива характерна для неопределенных глаголов, внешняя – для предельных; исчисляемые определенные существительные отражают кодировку внешней перспективы (существительные типа *Haus/дом, Baum/дерево* и т.д.), неисчисляемые – внутренней (существительные типа *Gold/золото, Liebe/любовь* и т.д.) (Leiss 2000, с. 245); внутренняя перспектива представлена в системе неопределенных артиклей, внешняя – в системе определенных (Там же). С. Энгель переносит понятие 'внутренняя перспектива' на систему функционирования местоимений и показывает, что местоимения первого лица кодируют внутреннюю перспективу, местоимения третьего лица – внешнюю, а местоимения второго лица могут быть показателями

внешней и внутренней перспективы (Engel 1998).

Перспектива в интерпретации Э. Лайсс – это выбор говорящим определенных грамматических показателей в зависимости от того, как он воспринимает предмет или событие. Если как нечто целостное, определенное и завершенное, то речь идет о внешней перспективе; незаконченность, неопределенность и незавершенность позволяют говорящему представить события с внутренней перспективы. В трактовке внутренней перспективы Э. Лайсс учитываются по большей части параметры действия глагола и семантика имен существительных; на наш взгляд, применительно к модальным элементам целесообразно говорить о реализации внутренней перспективы на уровне целого предложения, поскольку субъективное отношение не может существовать само по себе в отрыве от объектов и ситуаций объективной действительности. Можно говорить о предложениях, в которых внутренняя перспектива не находит никакого отражения – это объективированное изложение событий. Субъективированность отличает присутствие внутренней перспективы. По нашим наблюдениям, в некоторых типах придаточных предложений модальные частицы допустимы тогда, когда говорящий показывает свою вовлеченность в изложение событий, т.е. поясняет их ход не как сторонний наблюдатель, а их участник. Это можно проследить на следующих примерах:

(3) а. *Es können auch Aufgaben zentralisiert werden, indem (*ja) alle Informationen über Partner gesammelt und die taktischen Planungsaufgaben bestimmt werden* (DECOW 16A).

'Задания могут централизованы посредством сбора информации о партнерах и определения тактических задач планирования'

б. А: *Angaben können nicht zentralisiert werden.*

B: *Es KÖNnen alle Angaben zentralisiert werden, gerade inDEM alle Informationen über Partner gesammelt und die taktischen Planungsaufgaben bestimmt werden.*

'A: Данные не могут быть централизованы

B: Да нет же, как раз посредством сбора информации о партнерах и определения тактических задач планирования они и могут быть централизованы'

В предложении (3а) модальная частица не может быть использована, поскольку придаточное не является иллокутивно самостоятельным (см. также: (Averina 2015)). В аналогичном по форме придаточном частица допустима, поскольку оно является иллокутивно самостоятельным: посредством интонирования субъонктора и финитной формы глагола кодируется Verumfokus (о данном явлении подробнее см. (Höhle 1988, 1992), в отечественной терминологии – 'верификативная рема' (Янко 2008)), говорящий утверждает истинность своей позиции, в результате чего данное предложение отличает субъективированность изложения; придаточное иллокутивно самостоятельно, модальная частица возможна, а в высказывании находит реализацию внутренняя перспектива говорящего. Аналогичную ситуацию можно проследить и на примере придаточных следствия, где значком / обозначается ударение с повышением голоса, а \ соответственно, с понижением:

(4) a. [...] *die Musik war so laut, dass sie (*ja) niemand hörte* (DECOW 16A).

'Музыка была такая громкая, что ее никто не слышал'

b. A: *Wie war es gestern in Greifswald?*

B: *Am /STADTrand war es \SCHÖN, aber im /ZENtrum war es hektisch und die Musik war /SO laut, dass sie (+ja) sogar \NIEMand hörte*

'A: Как было вчера в Грейфсвальде?

B: На окраине города было здорово, а в центре было суматошно и музыка была

такая громкая, что ее даже ведь никто и не слушал'

В предложении (4а) модальная частица в иллокутивно несамостоятельном придаточном аграмматична; в высказывании (4b) она возможна – говорящий проявляет свою включенность в изложение событий, в иллокутивно самостоятельном придаточном находит отражение фокус контраста (о фокусе контраста см. Vüring 2005).

Как видно из приведенных высказываний, внутренняя перспектива проявляется не только в грамматической характеристике глагола или существительного. Она находит свое выражение на уровне целого высказывания: говорящий представляет события таким образом, как если бы он сам в них участвовал; он «включен» в их изложение, т. е. в момент речи он как бы находится внутри событий (3b и 4b). Иначе воспринимаются высказывания (3а) и (4а) – само описание отличается «невключенностью» говорящего, т. е. объективированностью изложения. В данном случае речь идет о кодировании внешней перспективы.

Маркеры эпистемической модальности способны передавать внутреннюю перспективу пропозиционального субъекта в определенном контекстуальном окружении. Рассмотрим в этой связи примеры:

(5) *Experten gehen davon aus, dass vielleicht die Haarwurzeln zu tief in der Haut liegen* (DECOW 16A).

'Эксперты исходят из того, что возможно корни волос находятся слишком глубоко в коже.'

(6) *Ärztin meinte, dass er wahrscheinlich Antikörper entwickelt hat* [(DECOW 16A).

'Врач думала, что у него вероятно выработались антитела.'

В высказывании (5) модальное слово маркирует предположение не говорящего, а субъекта главного предложения, в роли которого выступает подлежащее *Experten*. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в

следующем предложении (6) – модальное слово *wahrscheinlich* отражает видение ситуации с позиции пропозиционального субъекта. На примере следующих высказываний можно проследить, что модальный маркер в иллокутивно самостоятельном придаточном предложении кодирует установку пропозиционального субъекта:

(7) *Aber am entscheidenden Abend merkt sie, dass sie DOCH eigene Begabungen hat* (DECOW 16A).

'Но в решающий вечер она замечает, что у нее все же есть собственные таланты.'

(8) *Bis Mama plötzlich einfällt, dass sie ja Oma Amerika vergessen haben* (DECOW 16A).

'Пока маме не приходит в голову, что она же ведь забыла бабушку Америку.'

Ударная частица DOCH участвует в создании контраста (Averina 2019b) и может быть причислена к периферии поля модальности (Аверина 2019a). В любом случае, ударные (дискурсивные) и модальные частицы обладают целым рядом общих свойств, когда речь идет об их употреблении в придаточных предложениях (Abraham 2017).

Таким образом, внутренняя перспектива говорящего отражает ситуацию, в которой реальные или воображаемые события переживаются как бы в настоящий момент, когда говорящий находится в их центре и представляет их со своей позиции. Внутренняя перспектива пропозиционального субъекта предполагает такое изложение событий, при котором передается позиция третьего лица, которую говорящий может и не разделять. Внутреннюю перспективу можно рассматривать как неотъемлемое свойство, которыми обладают маркеры, передающие семантику эпистемической модальности и эвиденциальности; внешняя перспектива характерна для показателей алетической модальности. В первом случае речь идет о дейктической модальности (Аверина 2019б).

Модальность можно отнести к дейктичным категориям на том основании, что в случае с модальным дейксисом имеет место указание на фактичность/нефактичность ситуации. Так, предложение

(9) *a. Она сейчас занята*

является фактичным, или истинным.

Напротив, предложение

b. Возможно, она сейчас занята

является нефактичным, т. е. подвергается сомнению.

Ситуация, о которой говорит Ориго, может быть как истинной, фактичной как в (9a), так и неистинной, или нефактичной как в (9b). Согласно Г. Дивальд, фактичность – это нахождение на той же самой степени истинности, что и Ориго, нефактичность – это нахождение на иной ступени действительности, чем Ориго (Diewald 1991, с. 242). Соответственно, фактичные предложения типа (9a) лишены дейктической модальности, а нефактичные типа (9b), напротив, обладают ею.

По справедливому замечанию М.Л. Котина, дейктичность – это переход от номинации к грамматической категоризации (Kotina 2007, с. 251). Этот переход удается показать Г. Дивальд (Diewald 1991): для оценки лексического / грамматического статуса языковых единиц она проводит разделение дейктиков на сильные и слабые. Так, грамматические элементы языковой системы, как слабые дейктики, не могут иметь дейктичный объект, т. е. объект, на который они указывают, а лексические единицы, как сильные дейктики, напротив, могут. Разницу между лексическими и грамматическими компонентами языковой системы Г. Дивальд демонстрирует на следующих примерах:

(10) *Wann wart ihr in der Ausstellung? - Gestern.*

'Когда Вы были на выставке? - Вчера'

(11) *Sie besuchten die Ausstellung* (Diewald 1991, с. 84).

'Они посетили выставку'

В первом случае слово *gestern* / *вчера* выступает в роли обстоятельства с темпоральной семантикой, и его можно рассматривать как сильный дейктик. Само дейктичное слово указывает на некий реферируемый объект. Референт, в роли которого выступает временной отрезок, локализован вовне и исключает Ориго. Речь идет о лексическом компоненте языковой системы. Во втором случае объект дейксиса, на который указывает Ориго, не является автономным – это грамматический компонент языковой системы. Только к сильным дейктикам можно задать вопрос, к слабым дейктикам вопрос задать невозможно (Там же).

Как и в случае с темпоральным дейксисом, некоторые виды модальных дейктиков могут быть сильными (как, например, модальное слово *vielleicht* 'возможно', способное выступать в роли дейктичного объекта), другие, наоборот, являются слабыми, сравним:

(12) а. *Ну что/ кстати/ не самое плохое место. Возможно* (НКРЯ).

б. *Ну что/ кстати/ не самое плохое место. *Ведь*.

(13) а. *Welches Verhalten bewährt sich im Berufsalltag? Ja, Nein, vielleicht?* (DECOW 16A)

'Какое поведение оправдывает себя в повседневных рабочих буднях? Возможно да-нет?'

*б. *Welches Verhalten bewährt sich im Berufsalltag? Ja, Nein ja*

Ориго (Говорящий) может указывать не только на нефактичность ситуации, но и на источник информации (*Очевидно, что...; говорят, что ...* и т. д.), в этом случае в роли Ориго может выступать как говорящий, так и некое третье лицо. Последнее зачастую влечет за собой сомнение говорящего в истинности и правдоподобности того или иного факта, например:

(14) а. *Солдатики беззлобно подиучивали: допоздна, дескать, принимал библиотеку, устал, укатался, бедняга* (НКРЯ),

где источник информации – субъект предложения (*солдатики*), частица *дескать* позволяет говорящему указать на недостоверность информации (из контекста следует, что главное действующее лицо иронизирует над собой, поскольку устал он не от работы и чувствует себя разбитым по иным причинам). Приведенный пример демонстрирует реализацию двуплановой дейктичности (указание на источник информации + указание на нефактичность ситуации).

Свойство дейктичности характерно как для лексических, так и для грамматических компонентов языковой системы, на что справедливо указывает Ю.Д. Апресян (Апресян 1995). Двуплановая дейктичность может быть интерпретирована как признак, на основании которого можно судить о принадлежности элемента к системе грамматики, поскольку она (1) имеет контекстуальную обусловленность (интерпретация семантики грамматических единиц возможна только в контекстуальном окружении, см. (Lehmann 1995)) и (2) не может выступать в самостоятельном, внеконтекстном употреблении. Так, в предложении с частицей *дескать* при неопределенном источнике информации степень сомнения говорящего значительно снижается, как это можно увидеть на примере (14b), а сама по себе частица не может образовывать предложение, что свидетельствует о ее контекстуальной связанности:

(14) б. *По городу нынче гуляет шутка: дескать, пора заменить мебель в зале заседаний Ковровского горсовета на простые нары* (НКРЯ).

Основное отличие лексики от грамматики состоит не только в том, что «грамматика имеет дело с общими фактами языка, а лексикология – с единичными» (Есперсен 2002, с. 31), а еще и в том, что лексические единицы служат для называния явлений мира, в то время как грамматические определяют их

положение в системе координат с позиции Ориго, а система координат может быть выстроена только применительно к конкретному высказыванию (Leiss 2011, с. 153). Двуплановые дейктики всегда неподчинимы – они не могут быть использованы в иллокутивно несамостоятельном придаточном:

(14) *с. Он сожалеет, что, *дескать, пора заменить мебель в зале заседаний Ковровского горсовета на простые нары,* где фактивность предиката в главном предложении исключает возможность использования частицы в придаточном.

Остановимся подробнее на вопросе о типах модальных значений, которые можно рассматривать как дейктические. Модальность трактуется нами как категория, которая отражает «преломление отрезка действительности через сознание говорящего» (Гак 1986, с. 113), модальность может быть внутренней, когда говорящий /действующее лицо оценивает объективную возможность существования ситуации, и внешней, связывающей пропозицию с говорящим и отражая его отношение к происходящему. К внутренней можно отнести «онтологическую возможность» (термин см. (Булыгина, Шмелев 1997, с. 210)), или потенциальность, речь идет о модализованной пропозиции. Так, предложение

(15) *В юности он мог не спать сутки подряд* (Булыгина, Шмелев 1997, с. 211)

содержит информацию о возможности, которая реально имела место. В зарубежном языкознании для обозначения онтологической возможности используется термин 'деонтическая модальность', к ней зачастую причисляют алетические значения (Diewald 1999; Abraham 2009); М.Л. Котин вводит термин 'верисимильная модальность' (Kotin 2012) с тем, чтобы отграничить этот вид модальности от других. Отличительным свойством показателей верисимильной модальности, или онтологической возможности, является их способность присоединяться к пропозиции и

участвовать в речевых актах различных типов: сообщениях, вопросах, пожеланиях и т. п. (Гак 1986, с. 211). Онтологическая возможность – это объективно установленная потенциальность, когда пропозиция приобретает статус модализованной (модализованная пропозиция см. (Там же)).

К внешней модальности относится эпистемическая, в ее семантике содержится оценка говорящим степени вероятности того или иного факта (Аверина 2010), «она не существует вне конкретного высказывания, она неразрывно связана со знаниями говорящего (нет оснований высказывать гипотезу о ситуации, о которой есть достоверные сведения)» (Шмелев 2012, с. 607) и отличается тем, что придает высказыванию внутреннюю перспективу. Существенное отличие эпистемической модальности от онтологической возможности Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев видят в том, что эпистемическая модальность маркирует возможность, привязанную к моменту речи: «сама проблематичность «имеет место» в тот момент, когда делается соответствующее высказывание», а показатели эпистемической модальности, присоединяясь к пропозиции, дают в результате не новую пропозицию, а предположение (Булыгина, Шмелев 1997, с. 211). В данной статье для обозначения онтологической возможности мы оперируем термином 'алетическая модальность'. В целом ряде случаев довольно сложно отделить алетическую модальность от эпистемической – пограничные случаи наглядно демонстрирует М. Хундт на следующем примере:

(16) *Möglicherweise regnet es heute* (Hundt 2003, с. 352).

'Сегодня возможен дождь'

С одной стороны, в (16) речь может идти об объективно существующей возможности того, что пойдет дождь, что и утверждает говорящий. С другой стороны, не исключено и предположение говорящего, т. е. в этом случае можно

говорить о существовании нефактической ситуации. В русском языке в некоторых случаях также сложно отделить алетическую модальность от эпистемической. Это можно проследить на примере Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева:

(17) *Он мог ехать по льготному билету в любой конец страны* (Булыгина, Шмелев 1997, с. 217).

Таким образом, мы исходим из того, что эпистемическую модальность (внешнюю модальность) можно трактовать как дейктическую модальность, а алетическую модальность – как недейктическую модальность. Дейктическая модальность – это оценка фактичности ситуации с позиции Ориго. Недейктическая модальность не содержит оценок степени вероятности с позиции Ориго, а констатирует объективную возможность/невозможность существования факта. Дейктическая модальность отражает внутреннюю перспективу говорящего / пропозиционального субъекта, т. е. содержит оценку говорящим/ пропозициональным субъектом нефактичности ситуации, алетическая модальность – внешнюю перспективу. По всей видимости, можно проследить взаимосвязь между синтаксической неподчинимостью и типом перспективы. Модальная семантика, передаваемая модальными глаголами, модальными словами и модальными частицами в немецком языке, зависит нередко от контекстуального окружения: маркеры, способные передавать внутреннюю перспективу пропозиционального субъекта, проявляют свойство «переходности», т. е. в одном контекстуальном окружении кодируют эпистемическую модальность, в другом – алетическую. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Модальные слова типа *vielleicht*, *wahrscheinlich*, *offensichtlich*, *angeblich*, *möglicherweise*, *vermutlich*, *augenscheinlich* не способны, по мнению Э. Лайсс, кодировать и эпистемическую модальность, и эвиденциальность. Они либо выражают предположение (*vielleicht*,

vermutlich), либо указывают на источник сообщаемой информации (*angeblich*, *augenscheinlich*). Например, модальное слово *offensichtlich* указывает только на источник информации и не дает ее эпистемической оценки. Модальное слово *vielleicht* дает эпистемическую оценку информации с позиции говорящего без указания на ее источник. Как пишет Э. Лайсс, эти маркеры кодируют простой дейксис, их можно рассматривать как элементы грамматического строя, но грамматическое значение представлено в виде лексического концепта (т. е. грамматическая семантика представлена в виде лексического значения) (Leiss 2011). Это влияет и на их способность выступать в роли самостоятельного ответа на вопрос, и на то, что их значение может получить интерпретацию и вне контекста:

(18) *Eine Binsenweisheit? Ja, vielleicht* (DECOW 16A)

'Банальность? Да, возможно'

(19) *Das ist doch davon völlig unabhängig - oder versteh ich was falsch? Ja, offensichtlich* (DECOW 16A).

'От этого ничего не зависит – или я это неправильно понимаю? Да, очевидно'

Анализ корпусных данных показывает, что для модальных слов нехарактерно использование в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях, однако единичные случаи все же имеют место. Мы полагаем, что это возможно по двум причинам: (1) модальные слова способны сужать свой скопус, или сферу действия – она распространяется не на все высказывание в целом, а лишь на какую-то одну его часть; (2) в некоторых случаях модальные слова могут маркировать не предположение Ориго, а его знание о некой объективно существующей возможности, как это можно проследить на примере (20a):

(20) а. *Ich weiß inzwischen, dass uns wahrscheinlich niemand helfen wird [...]* (DECOW 16A).

'Между тем я знаю, что нам вряд ли может кто-нибудь помочь' (=как одна из существующих в объективной действительности альтернатив)

В высказывании (20b) модальное слово *wahrscheinlich*, использованное в иллокутивно несамостоятельном придаточном, относится не ко всему предложению в целом, а к местоимению *niemand*. В предложении передается эпистемическая установка говорящего:

(20) b. *Ich bedauere sehr, dass uns wahrscheinlich niemand helfen wird.*

'Я очень сожалею, что нам уже возможно никто не поможет'

Способность модальных слов сужать свой скопус является причиной того, что в некоторых случаях они могут быть использованы в придаточных объектных при фактивном предикате в главном предложении. Модальные слова в немецком языке можно рассматривать как лексические средства выражения эпистемической модальности, поскольку они способны образовывать самостоятельное предложение, кодировать внешнюю или внутреннюю перспективу и могут быть интерпретированы вне контекста.

Иначе функционируют модальные глаголы немецкого языка во вторичном значении. В отечественном языкознании имеют место наблюдения о пересечении нескольких модальных значений в случае их использования для выражения оценки вероятности (Боднарук 2019). Остановимся на двух глаголах немецкого языка – *müssen* и *sollen*. Их первичное значение – выражение долженствования. Вторичное значение – это эпистемическое и эвиденциальное. Сам по себе статус категории эвиденциальности относительно модальных значений до конца не определен (Плунгян 2000). Эвиденциальность – указание на источник, из которого может быть получена информация, включает в себя пересказывательные, инференциальные и адмиративные значения (Козинцева 2000, с. 227–228). Согласно Э. Лайсс, эвиденциальность и

эпистемичность, кодированные на лексическом уровне, различны в функциональном отношении; их кодировка на грамматическом уровне позволяет интерпретировать названные категории как функциональные эквиваленты (Leiss 2011, с. 160-162). Соответственно, маркеры эвиденциальности в ряде случаев тоже могут быть интерпретированы как составляющие дейктической модальности. Э. Лайсс демонстрирует на следующих примерах двуплановый дейксис, который проявляется в системе функционирования модальных глаголов во вторичном значении:

(21) *Ole soll in Hannover einen guten Vortrag gehalten haben.*

'Говорят, Оле прочитал в Ганновере хороший доклад'

(22) *Ole muss in Hannover einen guten Vortrag gehalten haben.*

'Оле, должно быть, прочитал в Ганновере хороший доклад'

Уникальность модальных глаголов в немецком языке, употребленных во вторичном значении, заключается в том, что в предложениях с ними Ориго разделяется на Ориго-Говорящего и Ориго-Наблюдателя. При этом источник информации локализован у Ориго-Наблюдателя, в то время как оценка информации – у Ориго-Говорящего. Соответственно, приведенные с модальными глаголами примеры получают у Э. Лайсс следующую интерпретацию: в предложении (21) в качестве источника информации выступает некое третье лицо (иллокутивный субъект как неопределенный источник информации). При оценке истинности говорящий ссылается на этот источник, передается средняя степень вероятности. В случае с глаголом *müssen* (22) сам говорящий выступает в роли источника информации. Это влияет на степень вероятности: она высокая (Leiss 2011, с. 160-162). По нашим наблюдениям, в предложениях с модальным глаголом *sollen*, использованном во вторичном

значении, в определенном контекстуальном окружении может передаваться высокая степень сомнения. Это можно проследить на примере отрывка из романа П. Зюскинда «Парфюмер»: один из героев произведения, разочарованный своим неудачами на старости лет, подвергает критике всю эпоху, в которой он живет, показывая тем самым, что все, что сейчас в настоящее время происходит, лишено разумного начала, грешно, нелепо и плохо. Это внутренняя речь персонажа, в которой модальный глагол *sollen* позволяет автору нарисовать образ брюзгливого потерпевшего поражение парфюмера, не имеющего никаких шансов на успех в современном мире. Скептицизм, который просматривается в его речи, подчеркивается большим количеством оценочной лексики (*geschnüffelt*, *herumexperimentiert*, *lächerlich* и т. д.):

(23) *Das Unglück des Menschen rührt daher, dass er nicht still in seinem Zimmer bleiben will, dort, wo er hingehört. Sagt Pascal. Aber Pascal war ein großer Mann gewesen, ein Frangipani des Geistes, ein Handwerker recht eigentlich, und ein solcher ist heute nicht mehr gefragt. Jetzt lesen sie aufwieglerische Bücher von Hugenotten oder Engländern. Oder sie schreiben Traktate oder sogenannte wissenschaftliche Großwerke, in denen sie alles und jedes in Frage stellen. Nichts mehr soll stimmen, alles soll jetzt plötzlich anders sein. In einem Glas Wassers sollen neuerdings ganz kleine Tierchen schwimmen, die man früher nicht gesehen hat; die Syphilis soll eine ganz normale Krankheit sein und keine Strafe Gottes mehr; Gott soll die Welt nicht an sieben Tagen erschaffen haben, sondern in Jahrmillionen, wenn er es überhaupt war; die Wilden sind Menschen wie wir; unsere Kinder erziehen wir falsch; und die Erde ist nicht mehr rund wie bisher, sondern oben und unten platt wie eine Melone - als ob es darauf ankäme! In jedem Bereich wird gefragt und gebohrt und geforscht und geschnüffelt und herumexperimentiert (P. Süskind. Das Parfum).*

'Все несчастья человека происходят оттого, что он не желает спокойно сидеть у себя дома – там, где ему положено. Так говорит Паскаль. Но Паскаль был великий человек, Франжипани духа, собственно, мастер в своем ремесле, а на таких нынче спроса нет. Теперь они читают подстрекательские книги гугенотов или англичан. Или пишут трактаты, или так называемые великие научные сочинения, в коих все и вся ставится под вопрос. Будто бы нет больше ничего достоверного, и все вдруг изменилось. В стакане воды, дескать, плавают малюсенькие зверушки, которых раньше никто не видел; сифилис теперь вроде бы нормальная болезнь, а не божья кара; Господь, мол, создал мир не за семь дней, а за миллионы лет, если это вообще был Господь; дикари такие же люди, как мы; детей мы воспитываем неправильно; земля больше не круглая, как была до сих пор, а сплюснутая сверху и снизу, наподобие дыни – как будто в этом дело! Все кому не лень задают вопросы, и роют, и исследуют, и вынюхивают, и над чем только не экспериментируют' (П. Зюскинд. Парфюмер. Пер. Э.В. Венгеровой).

Конструкция *sollen* + *Infinitiv*, многократно использованная во вторичном значении в приведенном фрагменте, маркирует многоплановую дейктичность: (1) указание Ориго-Наблюдателя (в его роли выступает Балдини как персонаж) на источник информации (*sie*); (2) сомнение Ориго-Наблюдателя в истинности информации. К двум существующим планам можно добавить еще один скрытый план – сомнение повествователя в фактичности отображенных в представлении персонажа явлений реальной действительности.

Многоплановая дейктичность, проявляющаяся в системе функционирования модальных глаголов во вторичном значении, находит свое отражение и в том, что они не могут быть использованы в этом значении в иллюкутивно несамостоятельных придаточных, как это

демонстрирует В. Абрахам на следующих примерах:

(24) (a) *Er meint_{-faktiv} [dass ein Komet ja kommen muss /müsse/soll/ solle/mag/möge]* Assertion

(b) *Er bedauert_{+faktiv} [dass ein K. *ja kommen muss /*müsse/soll/*solle/mag/*möge]* Präsupposition (Abraham 2013, с. 35).

В иллокутивно самостоятельном придаточном в (24a) допустимы модальные частицы, модальные глаголы во вторичном значении, а также форма Konjunktiv, посредством которой кодируется некоторая дистанцированность говорящего. В иллокутивно несамостоятельном предложении ни модальные глаголы во вторичном значении, ни модальные частицы, ни создающий дистанцию Konjunktiv невозможны (24b).

Таким образом, модальные глаголы немецкого языка во вторичном значении можно отнести к грамматическим компонентам языковой системы: они обладают двуплановым дейксисом. Это влияет, в свою очередь, и на их синтаксическую неподчинимость: они могут быть использованы в придаточном предложении, но теряют вторичное значение и выступают уже в ином модальном значении, кодируя внешнюю перспективу.

Модальные частицы в немецком языке обладают, по мнению В. Абрахама (Abraham 2011), трехплановым дейксисом, но эта дейктичность носит несколько иной характер. Ее основанием служит общее знание (в английской терминологии – Common Ground). Многоплановая дейктичность проявляется в следующем: (1) говорящий оценивает информированность собеседника, (2) дает ему об этом знать и (3) провоцирует его к реакции на высказанное (Abraham 2011, с. 140). Так, в следующем примере

(25) *Haider ist ja betrunken gewesen*
'Хайдер же был пьян'

говорящий оценивает общее знание с адресатом, указывает ему на это знание и призывает его к пересмотру своей

позиции. Дейктичность, выраженная модальными частицами, имеет иной характер, чем в случае с модальными глаголами и модальными словами: они служат для осуществления осциллирующей коммуникации между говорящим и собеседником (в терминологии В. Абрахама – 'eine oszillierende Kommunikation') (Там же). Соответственно, как грамматикализованные элементы языковой системы модальные частицы не могут иметь место в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях (Thurmair 1989), (Coniglio 2011), (Averina 2015).

(26) a. *Es kam mir zum Bewusstsein, dass ja Karneval war* (DECOW 16A).

'Мне пришло на ум, что ведь был карнавал'

b. *Er bedauerte, dass (*ja) Karneval war.*

'Я сожалел, что был карнавал'

В примере (26a) модальная частица *ja* допустима, поскольку придаточное предложение иллокутивно самостоятельно, в примере (26b) эта частица не может быть включена, поскольку придаточное является иллокутивно несамостоятельным. Аналогичные свойства можно проследить и в случае с ударными частицами (Аверина 2018). В исключительных случаях можно говорить об использовании модальных частиц в темпоральных и условных придаточных – как правило, это становится возможным в результате возникновения модальной рамки высказывания (Averina 2019a).

Таким образом, анализ фактического материала показал, что модальные слова в немецком языке могут передавать значения эпистемической и алетической модальности, способны кодировать внешнюю и внутреннюю перспективу и обладают одноплановым дейксисом. Их можно рассматривать как лексические единицы. Модальные глаголы *sollen* и *müssen* во вторичном значении и модальные частицы обладают многоплановой дейктичностью. Их семантика может быть определена только по

контексту, они синтаксически неподчинимы и несут эпистемическое значение в сочетании с эвиденциальным, что в совокупности позволяет говорить об их принадлежности к системе грамматики. Специфика модальных частиц состоит в том, что они всегда предполагают адресованность к собеседнику. Несколько иначе выстроена система выражения модальных значений в русском языке.

Модальные слова с семантикой эпистемической модальности (например, *конечно, несомненно, безусловно, разумеется, само собой разумеется, бесспорно, действительно, наверное, возможно, верно, вероятно* и т. д.) служат для оценки степени вероятности происходящего и могут выступать в самостоятельном употреблении (28), что позволяет рассматривать их как лексические единицы:

(27) а. Он, **вероятно**, и **станет** спикером новой Думы (НКРЯ).

(28) **Жалеете**, что их уже нет? – **Конечно** (НКРЯ).

Модальные слова в русском языке, как правило, не могут иметь места в иллокутивно несамостоятельных предложениях (29b) и способны передавать внутреннюю перспективу пропозиционального субъекта (29a), сравним:

(29) а. Сначала **написал** об обстоятельствах находки и затем о том, что, **конечно, находка (+несомненно, +безусловно, +разумеется, +действительно, +навверное, +возможно, +верно, +вероятно)** уникальна, ничего подобного ни в Казахстане, ни в Средней Азии никогда ещё обнаружено не было (НКРЯ).

б. Сначала он **сожалел**, что (***конечно, *несомненно, *безусловно, *разумеется, *действительно, *навверное, *возможно, *верно, *вероятно**) находка уникальна, ничего подобного ни в Казахстане, ни в Средней Азии никогда ещё обнаружено не было.

Включение модальных слов в иллокутивно несамостоятельное придаточное сближает эпистемическое значение с алетическим:

(27) б. *Маша сожалеет, что он, **возможно**, **станет** (= может стать) спикером новой Думы.*

Модальные глаголы русского языка *мочь, хотеть, уметь* выступают, как правило, для выражения волюнтаривной и деонтической модальности. Прилагательное *должен* может использоваться в двух значениях: (1) для выражения долженствования, когда кто-либо имеет какое-либо обязательство, как в примере (30), и (2) для выражения предположения, причем пропозициональный субъект уверен в своей правоте, как в (31а):

(30) *Куда ты собрался ехать? Ты **должен быть** здесь* (НКРЯ).

(31) а. *Прискакавший егерь уверяет, что Абдаллах бросился в ров и **должен быть** здесь недалеко* (НКРЯ).

Для выражения эпистемической модальности может быть использован и глагольное сочетание *может быть*, имеющее статус вводного слова, например:

(32) ***Может быть**, актеры создают это притяжение* (НКРЯ).

В отличие от модальных глаголов в немецком языке, модальные глаголы в русском не могут маркировать 3-е лицо как источник информации, хотя передача позиции 3-го лица возможна, если они использованы в объектных придаточных, как это видно из примера (31а).

При использовании предикатива *должен* в иллокутивно несамостоятельном придаточном предложении передается семантика не эпистемической, а алетической модальности:

(31) б. *Он ошибается, что Абдаллах бросился в ров и **должен быть** здесь недалеко (= есть потенциальная возможность, что он здесь).*

Особого внимания заслуживают частицы в русском языке. В русской грамматике их принято делить на первообразные и непервообразные. К первообразным относятся простые односложные частицы, в современном языке не имеющие живых словообразовательных связей и формальных

соотношений со словами других классов (Русская грамматика 1980, с. 722). Среди первообразных частиц есть такие, которые можно по кодировке дейктических отношений сопоставить с модальным глаголом *sollen* в немецком языке – это частицы *дескать, де, мол, якобы*:

(34) *Сейчас в моде стали жалобы: ах, как изменилось время! Какое оно, дескать, жёсткое и быстрое!* (НКРЯ).

В предложении с частицей *дескать* Ориго расщепляется на Ориго как иллокутивный субъект (третье лицо) и Ориго-Говорящего. В роли источника информации выступает иллокутивный субъект, говорящий же воспринимает эту информацию скептически. Степень вероятности можно охарактеризовать как низкую.

(35) *Муковский сразу же согласился и сказал, что, мол, инструмента сейчас нет, но это не проблема, он его возьмёт в прокате* (НКРЯ).

В приведенном примере, содержащем частицу *мол*, в роли источника информации выступает пропозициональный субъект. Говорящий при этом дистанцируется и показывает, что данная ситуация имеет место только со слов этого субъекта, т. е. выражена определенная доля сомнения.

(36) *Потом будет трепаться на каждом углу, что он-де спас Нахпетова от верной смерти* (НКРЯ).

В приведенном фрагменте частица *де* прикрепляется к местоимению третьего лица и показывает, что пропозициональный субъект выступает в роли источника информации, при этом говорящий точно знает, что это не так. Соответственно, степень вероятности оценивается как очень низкая.

Аналогично функционирует и частица *якобы*: в предложениях с определенным иллокутивным субъектом степень вероятности низкая, с неопределенным – средняя:

(37) *На отказ от предлагаемого гражданства чиновник-француз якобы*

сказал Георгию Иванову: "Я вас понимаю и уважаю" (НКРЯ).

(38) *Подробностей не было, списков погибших не было, но кто-то якобы видел, как был убит Фома при перестрелке* (НКРЯ).

Модальные частицы русского языка *дескать, де, мол, якобы*, в семантике которых имеет место указание на источник информации, не могут быть употреблены в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях:

(39) а. *Причем сообщается, что якобы это очень выгодно* (НКРЯ).

*б. *Он врет, что это якобы очень выгодно*.

Таким образом, по дейктичности частицы *якобы, дескать, де и мол* в русском языке сопоставимы с модальными глаголами во вторичном значении в немецком языке. Они не могут образовывать самостоятельное предложение и выступать в роли объекта, на который указывает Ориго. Частицы выступают в связанном употреблении, указывают на источник информации и одновременно позволяют оценить степень вероятности, которая зависит от определенности иллокутивного субъекта. Соответственно, это позволяет говорить о том, что русские частицы относятся к грамматической системе.

Несколько иного плана дейктичность русских частиц *ведь и же*. Они обладают теми же самыми свойствами, что и частицы *ja* и *doch* в немецком языке в смысле осциллирующей коммуникации по В. Абрахаму (Abraham 2011): говорящий оценивает информированность собеседника, дает ему об этом знать и провоцирует к реакции на сказанное. Как правило, цель говорящего – убедить собеседника в своей правоте, сравним:

(40) [...] *было нелегко, но ведь это как раз то, что нужно* (НКРЯ).

(41) *Мы же договорились: все чётные твои, а нечётные мои!* (НКРЯ).

Иллокутивно самостоятельные придаточные в немецком и русском языках допускают включение модальных частиц

(Averina 2015), причем если в роли пропозиционального субъекта выступает 3-е лицо, то говорящий все равно разделяет его позицию; в иллюкутивно несамостоятельных придаточных модальные частицы не могут быть использованы:

(42) а. [...] она и не помнит, что *ведь* хлеб-то у нее [...] (НКРЯ).

б. она сожалеет, что (**ведь*) хлеб-то у нее.

Сделанные наблюдения позволяют заключить, что модальные частицы *ведь* и *же* обладают многоплановой дейктичностью, проявляющейся в том, что в процесс коммуникации вовлекается собеседник, а сама коммуникация

базируется на некотором общем знании, которым располагают ее участники. Как и модальные глаголы немецкого языка, они передают внутреннюю перспективу говорящего.

Функциональная эквивалентность рассмотренных в нашей работе средств выражения модальных значений по способности кодировать внутреннюю/внешнюю перспективу и по дейктичности представлена в таблице 1:

Таблица 1

Эквивалентность модальных маркеров по дейктичности и способности кодировать внешнюю/внутреннюю перспективу.

Table 1

Equivalence of modal markers in deicticity and ability to encode external / internal perspective

Лексические средства выражения модальности: внешняя перспектива / внутренняя перспектива - одноплановый дейксис	
Русский язык	Немецкий язык
<ul style="list-style-type: none"> модальные слова с эпистемической семантикой <i>конечно, несомненно, безусловно, разумеется, само собой разумеется, бесспорно, действительно, наверно, возможно, верно, вероятно</i> модальные слова с эвиденциальной семантикой <i>очевидно, видимо</i> 	<ul style="list-style-type: none"> модальные слова с эпистемической семантикой <i>vielleicht, wahrscheinlich, vermutlich, sicherlich, zweifelhaft, zweifellos</i> модальные слова с эвиденциальной семантикой <i>offensichtlich, angeblich, augenscheinlich</i>
Грамматические средства выражения модальности: внутренняя перспектива - двухплановый дейксис	
Русский язык	Немецкий язык
<p><i>дескать, де, мол, якобы</i> – указание на источник информации + степень вероятности (зависит от определенности источника информации)</p>	<ul style="list-style-type: none"> модальный глагол <i>sollen</i> во вторичном значении – указание на неопределенный субъект как источник информации + средняя/низкая степень вероятности (зависит от контекста) модальный глагол <i>müssen</i> во вторичном значении – высокая степень вероятности + указание на говорящего как источник информации
Грамматические средства выражения модальности: внутренняя перспектива - трехплановый дейксис	
Русский язык	Немецкий язык
<i>ведь, же</i>	<i>ja, doch</i>

Существуют и другие способы выражения эвиденциальности, например, сложноподчиненные предложения с придаточным объектным. Эвиденциальность может быть представлена как дискурсивная категория (Кострова 2017: 21), обозначая «отношение между лицом-источником информации, фактом ее сообщения, направлением информационного потока и эвидентностью содержания» (Там же). Это относится к теме отдельного исследования, выходящего за рамки данной работы.

Заключение (Conclusion)

Анализ грамматических свойств модальных глаголов, модальных частиц и модальных слов в немецком и русском языках позволил увидеть следующее:

1. Феномен синтаксической неподчинимости связан с дейктичностью, а дейктичность – с грамматикализацией языковых элементов, но сама неподчинимость не является критерием, позволяющим отнести языковые элементы к системе грамматики. Критерием отнесенности модальных компонентов к грамматике может выступать многоплановая дейктичность и связанная с этим способность всегда кодировать внутреннюю перспективу; к этому добавляется контекстуальная обусловленность и невозможность выступать в самостоятельном, внеконтекстном употреблении.

2. Модальные частицы и модальные глаголы немецкого языка во вторичном значении кодируют внутреннюю перспективу говорящего и передают эпистемическую семантику в сочетании с эвиденциальной. Модальные слова можно отнести к маркерам эпистемической или эвиденциальной семантики, в ряде случаев эпистемическая семантика сближается с алетической. В русском языке модальные слова и модальные частицы маркируют, как правило, эпистемические и/или эвиденциальные значения.

3. Тип модального значения позволяет определить, относится ли тот или иной

показатель к феноменам главного предложения. Можно говорить о существовании следующих корреляций: *внутренняя перспектива: синтаксическая неподчинимость: дейктичность: эпистемичность* и *внешняя перспектива: алетическая модальность: недейктичность*. Лексические модальные маркеры могут передавать внутреннюю или внешнюю перспективу, тип перспективы определяет контекстуальное окружение. Грамматические модальные маркеры обладают многоплановой дейктичностью и отражают внутреннюю перспективу говорящего.

В целом можно заключить, что эпистемическую модальность отличает от алетической вид перспективы: в первом случае находит выражение внутренняя перспектива говорящего / пропозиционального субъекта; во втором – внешняя перспектива. Синтаксическую неподчинимость, т. е. неспособность модальных маркеров иметь место в иллокутивно несамостоятельных придаточных, имеет смысл интерпретировать как индикатор внутренней перспективы и, соответственно, дейктичности. Многоплановая дейктичность, присущая модальным глаголам в немецком языке и модальным частицам в немецком и русском языках, является одновременно показателем их принадлежности к системе грамматики; одноплановая дейктичность, характерная для русских модальных глаголов и модальных слов в русском и немецком языках, проявляется в характерной для них способности кодировать внутреннюю или внешнюю перспективу и позволяет рассматривать их как компоненты лексического состава. Лексические модальные маркеры способны обозначать ситуацию, в которой эпистемическая семантика сближается с алетической. Требуется более глубокое исследование вопроса об использовании модальных слов в различных видах придаточных предложений. В любом случае, анализ модальных слов,

модальных частиц и модальных глаголов во вторичном значении в немецком и русском языках с позиции внешней и внутренней перспективы позволил увидеть глубинные смыслы, заложенные в предложениях с этими словами. Важно было выявить общие для обоих языков закономерности, отражающие принцип синтаксической неподчинимости.

Список литературы

- Аверина А.В. Эпистемическая модальность как языковой феномен (на материале немецкого языка). М.: КРАСАНД, 2010. 192 с.
- Аверина А.В. Ударные частицы в придаточных предложениях немецкого языка (на примере ударных частиц JA и DOCH) // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 52, 2018. С. 5–17.
- Аверина А.В. Синтаксически неподчинимые конструкции в немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 1 (817), 2019а. С. 13–28.
- Аверина А.В. Дейктичность эпистемических маркеров в немецком языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019б. № 59. С. 5–18.
- Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. Избранные труды. В 2-х томах. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 629–650.
- Боднарук Е.В. Модальные глаголы: между модальностью, эвиденциальностью и темпоральностью (на материале современного немецкого языка) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 19–34.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 545 с.
- Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 2000. (1934). 528 с.
- Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Высшая школа, 1986. 408 с.
- Есперсен О. Философия грамматики. Изд. 2-е, стереотип. М.: УРСС, 2002 (1924). 408 с.
- Козинцева Н.А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации. Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. С. 226–240.
- Кострова О.А. Эвиденциальные смыслы в пересказываемой художественной речи // Вопросы когнитивной лингвистики, 2017, № 1 (50). С. 14–23.
- Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 479 с.
- Падучева Е.В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru/>). На правах рукописи. М., 2016.
- Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
- Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 792 с.
- Шмелев А.Д. Модальность, контроль и вид: точки взаимодействия (русское слово нельзя в сочетании с инфинитивом). От значения к форме, от формы к значению. Сб. Статей в честь 80-летия члена корреспондента РАН А.В. Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 607–616.
- Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с.
- Abraham W. Die Urmasse von Modalität und ihre Ausgliederung. Modalität anhand von Modalverben, Modalpartikel und Modus. Was ist das Gemeinsame, was das Trennende, und was steckt dahinter? // Modalität. Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2009. С. 251–302.
- Abraham W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // Modalität und Evidentialität. Trier: Focus, 2011. С. 125–147.
- Abraham W. Zur grammatischen Grundlegung von Modalität // Funktionen von Modalität. Berlin: de Gruyter, 2013. S. 25–76.
- Abraham W. Modal particles and Verum focus. New corollaries // Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles. Amsterdam: John Benjamins, 2017. S. 171–202.

Averina A. Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', že und vot im Russischen. Peter Lang: Frankfurt am Main, 2015. 242 S.

Averina A. Modalpartikeln im Deutschen als Komponenten eines modal-bewertenden Rahmens // Lebende Sprachen 64(1), 2019a. Berlin: De Gruyter. S. 140–154.

Averina A. Betonte Partikeln JA, DOCH, SCHON und EH im Deutschen und ihre Äquivalente im Russischen // Wortschätze und Sprachwelten. Beiträge zu Sprachtypologie, kontrastiver Wort- bzw. Wortschatzforschung und Pragmatik. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2019b. S. 181–196.

Büring D. Intonation und Informationsstruktur // Text-Verstehen. Grammatik und darüber hinaus. Berlin: de Gruyter, 2005. S. 144–163.

Coniglio M. Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. Berlin: Akademie Verlag, 2011. 220 S.

Diewald G. Deixis und Textsorten im Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 1991. 446 S.

Diewald G. Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität. Tübingen: Niemeyer, 1999. 464 S.

Diewald G. Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität // Funktionen der Modalität. Berlin: de Gruyter, 2013. S. 77–110.

Engel S. Das universale System der Personalpronomina. Das Fundament für Habermas' normative Begründung der menschlichen Vernunft. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1998. 207 S.

Hentschel E. Funktion und Geschichte deutscher Partikeln. Ja, doch, halt und eben. Tübingen: Niemeyer, 1986. 291 S.

Höhle T. N. Verum-Fokus. Sprache und Pragmatik 5. Arbeitsberichte. Lund, 1988. S. 1–7.

Höhle T. N. Über Verum-Fokus im Deutschen. Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft 4, 1992. S. 112–141.

Hundt M. Zum Verhältnis von epistemischer und nicht-epistemischer Modalität im Deutschen. Forschungspositionen und Vorschlag zur Neuorientierung. Zeitschrift für

germanistische Linguistik. 31. Berlin: de Gruyter, 2003. S. 343–381.

Kiparsky P., Kiparsky C. Fact. Syntax und generative Grammatik. Bd.1. Frankfurt am Main: Athenaeon, 1974. S. 257–304.

Kotin M.L. Die Sprache in stau movendi. Sprachentwicklung zwischen Kontinuität und Wandel. Bd. 1. Einführung – Nomination – Deixis. Heidelberg: Winter Verlag, 2007. 274 S.

Kotin M.L. Modalitäten. Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: Jagiellonian University Press, 2012. S. 140–158.

Lehmann Chr. Thoughts on grammaticalization. Revised and expanded version. München: Newcastle, 1995. 183 pp.

Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin: de Gruyter, 1992. 240 S.

Leiss E. Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit. Berlin: de Gruyter, 2000. 341 S.

Leiss E. Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik. Modalität und Evidentialität [Fokus 37]. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2011. S. 149–169.

Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer, 1989. 314 S.

Weydt H. Abtönungspartikeln und andere Disponible. 40 Jahre Partikelforschung. Tübingen: Stauffenburg, 2010. S. 10–32.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Зюскинд П. Парфюмер. История одного убийцы. Перевод Э.В. Венгеровой. Азбука, 2002. 304 с. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения – 15.12.2018 - 25.12.2018). Süskind P. Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders. Zürich: Diogenes Verlag, 1994. 319 S. DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org/> (дата обращения – 10.12.2018 – 10.01.2019).

References

Averina, A. V. (2010). *Epistemicheskaya modal'nost' kak yazykovej fenomen (na materiale nemeckogo yazyka)* [Epistemic modality as a language phenomenon (on the example of German)]. Moscow, Russia: Krasand (in Russian).

Averina, A.V. (2018). Stressed particles in dependent clauses in German (on the example of

stressed particles JA and DOCH), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 52, 5–17 (in Russian).

Averina, A.V. (2019a). Syntactic in subordinate clauses in German, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 1 (817), 13–28 (in Russian).

Averina, A.V. (2019b). Deicticity of epistemic markers in German, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 59, 5–18 (in Russian).

Apresyan, J.D. (1995). *Dejksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira* [Deixis in lexis and grammar and the naive model of the world. Izbrannye trudy], V 2-h tomah. Moscow, Russia: Yazyki russkoj kul'tury.

Bodnaruk, E.V. (2019). Modal verbs: Between modality, evidentiality and temporality (on the material of modern German), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 59, 9–34.

Bulygina, T.V. and Shmelyov, A.D. (1997). *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki)* [The language conceptualization of the world (on the material of Russian Grammar)] Moscow, Russia: Yazyki russkoj kul'tury (in Russian).

Byler, K (2000). *Teoriya yazyka* [The theory of language], Moscow, Russia: Progress (in Russian).

Gak, V.G. (1986). *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka. Sintaksis. Uchebnoe posobie dlya institutov i fakul'tetov inostrannyh yazykov. 2-e izd., isprav. i dop* [The theoretical grammar of French. Syntax], Moscow, Russia: Vysshaya shkola,

Jespersen, O. (2002). *Filosofiya grammatiki*. [Izd. 2-e, stereotip. The philosophy of grammar], Moscow, Russia: URSS (in Russian).

Kozintseva, N.A. (2000). About the category of evidentiality in Russian: the indirect source of information, *Problemy funktsional'noj grammatiki. Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii*, 226–240 (in Russian).

Kostrova, O.A. (2017). Evidential meanings in reported fiction speech. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 1 (50), 14–23 (in Russian).

Paducheva, E.V. (2010). *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v ruskom yazyke. Semantika narrativa. 2-e izd., ispr. i dop*. [Semantic research. Semantics of Time and View in Russian. Narrative semantics],

Moscow, Russia: Yazyki slavyanskoj kul'tury (in Russian).

Paducheva, E.V. (2016). *Modal'nost'. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki* Retrieved from: <http://rusgram.ru/> (in Russian).

Plungyan, V.A. (2000). *Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [The general morphology: introduction to problems], Moscow, Russia: Editorial URSS (in Russian).

Russkaya grammatika [Russian Grammar] (1980). Moscow, Russia: Nauka, 1980, 792 (in Russian).

Shmelev, A.D. (2012). Modality, control and aspect: points of interaction (the Russian word *nel'zya* in combination with the infinitive), *Ot znacheniya k forme, ot formy k znacheniyu. Sb. Statej v chest' 80-letiya chlena korrespondenta RAN A.V. Bondarko. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur*, 607–616 (in Russian).

Yanko T.E. (2008). *Intonatsionnye strategii russkoj rechi v sopostavitel'nom aspekte* [Prosodic strategies of Russian speech from the contrastive point of view], Moscow, Russia.: Yazyki slavyanskih kul'tur (in Russian).

Abraham, W. (2009). Die Urmasse von Modalität und ihre Ausgliederung. Modalität anhand von Modalverben, Modalpartikel und Modus. Was ist das Gemeinsame, was das Trennende, und was steckt dahinter?, *Modalität. Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus. Tübingen, Germany: Stauffenburg Verlag*, 251–302.

Abraham, W. (2011). Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung, *Modalität und Evidentialität. Trier: Focus*, 125–147.

Abraham, W. (2013). Zur grammatischen Grundlegung von Modalität, *Funktionen von Modalität. Berlin: de Gruyter*, 25–76.

Abraham W. (2017). Modal particles and Verum focus. New corollaries, *Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles. Amsterdam: John Benjamins*, 171–202.

Averina A. (2015). Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', že und vot im Russischen, Frankfurt am Main, Germany: Peter Lang.

Averina, A. (2019). Modalpartikeln im Deutschen als Komponenten eines modal-

bewertenden Rahmens, *Lebende Sprachen*, 64(1), 140–154.

Averina, A. (2019). Betonte Partikeln JA, DOCH, SCHON und EH im Deutschen und ihre Äquivalente im Russischen, *Wortschätze und Sprachwelten. Beiträge zu Sprachtypologie, kontrastiver Wort- bzw. Wortschatzforschung und Pragmatik. Frankfurt am Main: Peter Lang*, 181–196.

Büring, D. (2005). Intonation und Informationsstruktur, *Text-Verstehen. Grammatik und darüber hinaus. Berlin: de Gruyter*, 144–163.

Coniglio, M. (2011). *Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen*. Berlin, Germany: Akademie Verlag.

Diewald, G. (1991). *Deixis und Textsorten im Deutschen*. Tübingen, Germany: Niemeyer.

Diewald, G. (1999). *Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität*. Tübingen, Germany: Niemeyer.

Diewald, G. (2013). Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität, *Funktionen der Modalität. Berlin: de Gruyter*, 77–110.

Engel, S. (1998). Das universale System der Personalpronomina. Das Fundament für Habermas' normative Begründung der menschlichen Vernunft. Frankfurt am Main, Germany: Peter Lang.

Hentschel, E. (1986). Funktion und Geschichte deutscher Partikeln. Ja, doch, halt und eben. Tübingen, Germany: Niemeyer.

Höhle, T. N. (1988). Verum-Fokus. Sprache und Pragmatik 5. Arbeitsberichte. Lund, 1–7.

Höhle, T. N. (1992). Über Verum-Fokus im Deutschen. Informationsstruktur und Grammatik, *Linguistische Berichte. Sonderheft 4*, 112–141.

Hundt, M. (2003). Zum Verhältnis von epistemischer und nicht-epistemischer Modalität im Deutschen. Forschungspositionen und Vorschlag zur Neuorientierung. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 31. Berlin: de Gruyter, 343–381.

Kiparsky, P. And Kiparsky, C. (1974). Fact. Syntax und generative Grammatik. Bd.1. Frankfurt am Main: Athenaion, 257–304.

Kotin, M.L. (2005). Die Sprache in stau movendi. Sprachentwicklung zwischen Kontinuität und Wandel. Bd. 1. Einführung –

Nomination – Deixis. Heidelberg, Germany: Winter Verlag.

Kotin, M.L. (2012). Modalitäten, *Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten. Wydawnitwo Uniwersytetu Jagiellonskiego: Jagiellonian University Press*, 140–158.

Lehmann, Chr. (1995). *Thoughts on grammaticalization. Revised and expanded version*. München: Newcastle.

Leiss, E. (1992). *Die Verbalkategorien des Deutschen*. Berlin: de Gruyter. 240 S.

Leiss, E. (2000). *Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit*. Berlin: de Gruyter.

Leiss, E. (2011). *Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik. Modalität und Evidentialität [Fokus 37]*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag.

Thurmair, M. (1989). *Modalpartikeln und ihre Kombinationen*. Tübingen: Niemeyer.

Weydt, H. (2010). *Abtönungspartikeln und andere Disponible. 40 Jahre Partikelforschung*. Tübingen: Stauffenburg.

Süskind, P. (2002). *Istoriya odnogo ubijcy [The story about one murder]*. Pervod E.V. Vengerovoj. Azbuka (in Russian).

National Russian corp. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Elektronnyj resurs]. Retrieved from: <http://www.ruscorpora.ru/>.

Süskind P. (1994). *Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders*. Zürich: Diogenes Verlag, 1994. 319 S.

DECOW 16A [Elektronnyj resurs]. Retrieved from: <https://www.webcorpora.org/> (10.12.2018 – 10.01.2019).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Аверина Анна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германской филологии факультета романо-германских языков Московского государственного областного университета

Averina Anna Viktorovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of German Philology, Moscow Region State University.